

К 85-летию со дня рождения Зои Космодемьянской

Наши скамьи стоят в аду, насупротив жалкого неба, полного невыносимых людишек, отвратительных лизоблюдов, собранных в кружки, какие мы обычно не посещаем; пошлые, мизерные, мелочные, низкие, подлые, они поют фальцетом льстивые колядки.

В аду могут звучать и высокая поэзия, и полные первородной мощи слова. Чтобы не впасть в сомнение, не поддаться слабости, мы должны верить в ад, но это так же должно заставить нас принять твердое решение: не отступить, не унижать себя, верно следовать велениям нашего благородного сердца и не вступать в соглашение с безжалостным тираном.

Рамон Гомес де ла Серна. «Коллекция»

«Здравствуй, дорогая товарищ Зоя Космодемьянская! Пожалуйста, сделай так, чтобы Надя не выходила замуж за Игоря Петровича, он противный. Надя старше меня всего на пять лет, и думает, что самая умная, воображала. А я даю честное пионерское, что если ты мне поможешь, я вышью твой портрет для красного уголка, клянусь мамой. А что на математике я сказала хулиганское слово, так я не знала, что оно хулиганское, это Лалка с Таней меня подговорили. И что мы с Таней смотрели пипиську ее брату Мите, так я не хотела смотреть, это она придумала. Алефтина Лачина, 7В». Надя вышла-таки за Игоря и после январских событий¹, уехала с ним в Горький, и поделом мне, зачем дала подругам себя уломать и выкурила с ними в школьном туалете по полсигареты. Еще за день до этого не могла подумать, что такое случится, за день, когда подложила письмо к подножию памятника двадцати шести бакинским комиссарам. Лучшего места я придумать не могла, до памятника Зое было далеко, хотя комиссарам до нее тоже было далеко, всем было до нее далеко, это я твердо знала в те тринадцать лет, и в предыдущие двенадцать я уже знала это, и в одиннадцать знала тоже. Пусть мудреный историк объяснит, почему в Союзе, где геройством удивить было трудно, Зоя была какой-то особенной, и пусть заодно объяснит, почему была особой для меня, ведь это я, я во всей стране (а значит и в мире) лучше всех знала все происшедшее, начиная с 26 октября 41 года, когда она, вчерашняя школьница, будущая литератор и филолог (что навсегда осталось будущим), явилась в горьком и

потребовала включить ее в отряд диверсантов, а ее не хотели брать, «слишком хрупкая и красивая для диверсантки», – записал сотрудник НКВД, но она настояла, и ее взяли, и из кинотеатра «Колизей» вместе с другими в крытом грузовике она поехала в войсковую часть №9903. Оттого что кинотеатр был «Колизей», в моем детском воображении он был римским, там гигантские кошки рвали соратников Спартака, о котором я читала тогда в каком-то итальянском романе; только в Колизей, полный жаркого дыхания африканских кошек и запаха гладиаторской крови, могла явиться на смерть моя героиня. Мне почему-то так и представлялась, что на смерть, что все было заранее известно и незыблемо, и красный флаг над рейхстагом в 45-ом, и что Зоя пошла на подвиг, чтобы стать легендой, потому что она этого заслуживала, а иначе быть не могло. Меня оскорбила бы мысль, что она могла бы остаться в живых и быть просто хорошим человеком, она заслуживала большего. И большее случилось. Я его помнила наизусть: Зоя получила задание поджечь деревню Петрищево, где стояли немцы, и ей удалось спалить три дома и уйти от погони, но как человек добросовестный решила выполнить задание до конца и, переждав суматоху в лесу, вернулась, хотя опасность возросла вдвое, и была схвачена. Наверно, в моем отношении к пленнице было что-то неосознанно жестокое, я ведь не жалела ее, не осмеливалась жалеть, она была выше этого, пожалеть можно было простого человека, а тут святая, герой, которая не могла умереть сразу и безболезненно, она заслуживала большего, и большее выпало сполна. Ее били и спрашивали, что творится в Москве, и правда ли, что Сталин бежал, а она отвечала: «Сталин на посту», а больше ничего не сказала, о боевых товарищах и прочем, даже не назвала своего настоящего имени, ее пытали, водили на морозе в белье и босиком, ничего не добились и повесили, она же на эшафоте обратилась к людям (тогда были люди, а не толпа), пока немцы, встав в круг, ее фотографировали, и говорила, что нечего немцев бояться, они нас сами боятся, и что мы победим, и все говорила, тогда из-под ног выбили ящик, она схватилась за веревку, но по руке ударили, и она повисла, и весь декабрь 41-го раскачивалась в петле, осыпаясь снегом, потом группа пьяных фашистов в ночь под новый год сорвали с нее одежду, изрезали и истыкали кинжалами и отрезали грудь, на новый год сельчане ее закопали, а потом пришли наши, отрыли тело, и лицо ее оказалось спокойным, будто спящим, как у лермонтовской Тамары в гробу (и тринадцатая строфа «Демона» для меня всегда была о Зое), и она стала легендой, хотя я думала, что она легендой родилась, родилась, чтобы ею стать, чтоб сказку сделать былью, и я подыхала от зависти, белой, белоснежной, белопенной зависти, что нет войны, все хорошо и меня никто не подвергнет истязаниям и казни, ведь я тоже могу быть человеком, черт дери это светлое будущее, где не стать Космодемьянской, и еще когда меня принимали в пионеры и мы пошли фотографироваться к вечному огню двадцати шести комиссарам, кажется, я уже думала об этом. Еще ужасно раздражали меня

собственные щеки, их мажорные выпуклости, были они (и остались) как-то не романтически жизнерадостны. Хотя главное, что не была толстушкой, не посмела бы, враз похудела: герою, мученику не пристало быть толстым. Мученику. Сейчас понятно, что было свято – мученичество. Как же я презирала всех этих древних и средневековых мучеников за веру, из классической живописи и дедушкиных книг, отпечатанных с буквою «ять». Отстрадав положенное время, они получали путевку в рай и не мешкая туда отбывали. Несколько часов истязаний за вечное блаженство – великолепное мужество, оно потрясает сердца миллионов. Бессердечный я человек. На лобном месте к ним подлетали упитанные розовопопые ангелочки с венками из роз, видно, на тот случай, если страстотерпец падет духом. Происходили и более серьезные вмешательства в ход событий: отрубленные головы прирастали к телу, орудия пыток, расплевавшись с законами физики, ломались в руках палачей. Еще помню некую святую Агнессу, из альбома испанской живописи: ее прилюдно раздели, но волосы чудодейственным образом отросли до пят и закрыли интересные места, и зеваки обломались. Хорошая тема для рекламной фразы: «Подвижникам веры не грозит облысение». Мою великомученицу райской путевкой не приманивали, попастый ангел с букетиком не подлетал, виселица не рухнула и веревка не оборвалась. Все по законам физики, как и учили в школе. По правде. Когда раздели, чтобы пороть, волосы не отросли. И отрезанная грудь не вернулась обратно. Но главное все-таки, что никакого рая, никакого дерьма – меня бы стошнило, будь Зоя бесстрашной от ожидания райских куш, нюхая цветочки из ангельски-мясистых ручонок. Чудес не бывает, бессмертия нет – я твердо верила в это, и потому написала ей письмо на небеса с просьбой не дать Наде выйти за Игоря, и Зоя бы сделала это, не выкури я полсигареты на следующий день. Она ведь настоящая героиня, не нуждалась в бессмертии, которого нет, потому она бессмертна и может творить чудеса. Тут была железная детская логика, которую мой повзрослевший, покрывшийся коркою разум, не способен постичь, может, я еще дорасту до нее. Еще в четырнадцать лет я понимала все это. А когда было пятнадцать, вокруг завывали о загробных пенатах и новомучениках-священниках, убиенных чекистами в двадцатых. Ни черта не разбираюсь в истории, может и вправду там кого зазря поубивали, только меня отвращало то, что убиенные эти нюхают сейчас райские цветочки. Это во мне было какую-то смутной занозой – неважнецкие это святые, я знаю повыше, а хвалить теперь принято почему-то вон этих. Что-то не так. И еще: ведь деда Зои, священника, настоятеля храма, казнили в двадцатых за борьбу с Советской властью, и каждый второй в ее роду был священником, и она думала, что из-за этого ее не берут в диверсанты, не доверяют, и ходила по кабинетам, и добилась отправки на фронт, чтобы воевать за советскую страну. Как же уважать подобных ее деду, ведь они были противниками строя, породившего Зою, Веру Волошину и Машу Головотюкову. Также было непонятно, почему начали ругать Павлика Морозова, ведь и Зоя была тем

же Павликом в отношении своей родни, она включала в себя Павлика целиком, я тогда уже начинала понимать: всех лучших людей Союза она включала в себя, все их достоинства, каждый из них лишь частица ее, и потому у нас, в моей стране, она была особенной; но все, что говорилось теперь об истории, по сути дела выходило против нее, и ни черта ни в чем не понимая, я видела только, что происходит что-то нехорошее, гадкое. А потом, то есть примерно тогда же, когда американские фильмы были еще в новинку, где-то в гостях крутили фильм про Христа, жуткий по дотошности, с которой были представлены его предсмертные мучения. Режиссером был голливудский еврей, видно поэтому римские солдаты смахивали на эсэсовцев, режиссер представил их германскими наемниками, они с гоготом перебрасывались словами, напоминающими современный немецкий. Но не только это было из истории с Зоей, тут почти все детали совпадали буквально, взять очевидцев допросов Зои и библейское предание: Иисус просит пить, и ему подносят ко рту губку, смоченную уксусом, и вот: «Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: «Можно?» Они сказали: «Нет», и один из них вместо воды поднял к подбородку горящую керосиновую лампу без стекла»² или этот легендарный римский сотник, пожалевший Христа, так и было: «...к ней приставили другого. Он был более сознательным, взял у меня подушку и одеяло и уложил ее спать. Немного полежав, она попросила у него по-немецки развязать руки, и он ей руки развязал», весь фильм был по событиям 28-29 ноября 41 года, и даже те детали, которых и в Библии нет, режиссер как-то угадал, его германоязычные legionеры непрестанно хохотали при экзекуции, а так и было: «А те, кто порол, ржали во время порки», и еще: «Немцы прибежали, человек сто пятьдесят, смотрели и смеялись», «...и опять приходили сотни немцев (это было утром, в восемь часов). Они смеялись. Она молчала, смотрела на них», и все это показывалось почему-то про Иисуса, чье существование не подтверждается ни одним независимым источником, и все верили в это и называли его богом, а если так, то день мучений был кратким мигом в его вечной божественной неуязвимости, и видно за это все смотревшие фильм его страшно жалели, и никто не хотел вспоминать, что все это было не две тысячи, а пятьдесят лет назад, не с тридцатитрехлетним мужиком, а восемнадцатилетней девушкой, и она не плакала в Гефсиманском саду, не кричала на лобном месте, мол, почто ты меня оставил, а говорила, что мы победим. Вся последующая религиозная пропаганда разом сдохла для меня – все эти предания о христианских и мусульманских борцах и мучениках за веру оказались слабой тенью советской истории, какой-то неудачной переделкой биографий советских святых, а кому непременно хотелось распятого, я напоминала сержанта Юрия Смирнова³, но верующим не нравилось. Хотя отечественную историю вспоминали нередко: с каждым месяцем все чаще ругали Сталина, а я ни черта не понимала в новейшей истории, кто врёт, кто нет, мне только помнилось, что Верховный Главнокомандующий, по горло

загружен делами, лично занялся делом Зои и приказал пленить и казнить офицеров полка, убившего ее, и они были пойманы и повешены, и было тяжело слушать красноречивых и важных дядек, гладко доказывавших, что он был злым, но я, хоть неохотно, им верила – дядьки говорили очень гладко и бойко, только одна деталь меня поразила – я ее крепко запомнила. Смеялись журналисты, что Сталин в любую погоду ходил в теплых толстенных носках, потому что в детстве доводилось мерзнуть. Зою фашисты водили по снегу босиком, и если б она выжила, то возможно, так же при любой погоде кутала бы ноги. Значит, и над ней бы смеялись. То есть мысль, что Зою можно высмеивать, вообще не могла прийти в мою шестнадцатилетнюю голову, но по логике борзописцев выходило именно так. Вся последующая антисталинская кампания сдохла для меня в одночасье. Неохота было читать и смотреть все эти статьи и передачи, ясно было одно – к власти пришла какая-то сволочь. Которой смешно, когда люди морозят ноги. А потом, когда мне было семнадцать, в газете «Аргументы и факты» выступил гладкий дядька-писатель Жóпис, то есть Жóвпис или Жовпúс, но мне он запомнился как Жóпис⁴. И он сказал, что в деревне Петрищево вообще не было немцев. Потом в той же газете упитанная доктор медицинских наук говорила, что Зоя была шизофреничкой, то есть что у нее подозревали шизофрению, и вышло так, что она сумасшедшая, Зоя, знавшая наизусть русскую классическую литературу и Гёте в подлиннике, декламировавшая последнего на уровне профессионального чтеца, в семнадцать лет поразившая своим умом А. Гайдара – сумасшедшая, и все поняли именно так, потому что люди, уже ставшие толпой, людьём, были приучены понимать все только в подлом или похабном смысле, и почти никому не было интересно, что шизофрению именно подозревали, но оказалось, что ее нет, а есть переутомление от усиленной учебы и запойного чтения, что немцы в Петрищево были и об этом можно спросить очевидцев из местных жителей – ничего нельзя было объяснить, это Зоя на эшафоте обращалась к людям, народу, а я спорила с быдлом, людьми, тогда я ограничилась интеллигентами, но оказалось, что интеллигенция, русская и азербайджанская, стала быдлом पहले и охотнее всех. Именно все это, что мрази оказалось нежданно, тошнотворно много, как-то затормозило меня, временно притупило ощущения. И еще надо было жрать, при демократии жрать стало проблемой для многих, и я теперь думаю – голодному трудно сохранить идеалы, а есть стало трудно именно имеющим их, а деньги шли именно к тем, кто идеалов все равно не имел, наверно потому последних так быстро не стало, и я вот думаю: может, так и было задумано, не знаю, никогда не разбиралась в политике. А оборвалось все и сдохло – романтика, вера в лучшее – когда сразу после развала Союза я узнала о книжках, где смеялись над героями, и над Зоей тоже. Никакая подлость уже не удивляла: в жизни бывает все, нет никаких правил и справедливости. Каждый понял это в 90-х своим путем, вот и я своим, и больше ничему не удивлялась. Даже возмущения не осталось, а

почему не осталось, стало понятным через несколько лет, когда наткнулась на цитату из Макиавелли, мол, если правитель хочет сделать подлость и чтоб народ не возмутился, сделай подлость безмерную, тогда даже на негодование сил не будет, а дальше делай что хочешь, люди все воспримут как данность – ну вот так значит и сделали. Все временно во мне заглохло, то есть я думала раньше, что детство во мне умерло, а оказалось, что заглохло, я как в полусне воспринимала крохи информации о святой моего детства. Узнала как-то, что письма с просьбами к Зое писали тысячи детей и многие относили их к ее памятнику, тогда меня окатило гордостью за нее: не для меня одной была чудотворицей. Еще был болевой удар (хотя все заглохло, но ведь и боль была глухая), попала на глаза статья про какую-то топ-модель, родом из Осино-Гай, малой родины Зои, приезжавшую порой к землякам из заграницы, и учащиеся той же школы, где писали письма к Зое, писали теперь к длинноногой миллионерше-лохудре, и восторженно встречали ее на пороге школы у бюста героини; а еще узнала подробности о прошлом, не разглашавшиеся в Союзе, и я рада, что не знала этого в детстве, это не уложилось бы у меня в голове, это сейчас в головах укладывается все что угодно – что били Зою не только немцы, но и некоторые из своих, женщины, чьи дома она сожгла, сожгла, чтобы вытурить засевших врагов и победить, но они думали только о себе и вместе с фашистами били ее. Почему-то именно тогда я вновь вспомнила фильмы (теперь я знала их уже несколько) про Христа, про эти его страсти, снова припомнила всю пронзительность этих совпадений, для меня теперь вдвойне пронзительных оттого, что древние мифы стали еще популярней, а живую легенду вспоминали и знали все меньше. А потом все взорвалось. Все заглохшее, разом. Я наткнулась на телепередачу, случайно, за ужином, и она оказалась нормальной, не пришлось переключать, чудом нарвалась на нее, шансов было не больше, чем встретить грубое слово в советской литературе; мне выпал этот шанс. Документальный фильм про Зою. Факты все я знала наизусть, я в одиннадцать лет их знала наизусть. Но дошли они по-другому. Когда сельчане выдолбили яму в мерзлой земле и схоронили повешенную, и никто в стране о ней еще не знал, военкор Петр Лидов услышал рассказ подмосковного старика-крестьянина Тарасова, мол, вот в Петрищево девицу юную фашисты казнили «вешают ее, а она речь говорит», а Лидов ушам не верил: «как... речь?», «а так, – бормотал старик, – вешают уже, а она все говорит и говорит». И Лидова потряс этот рассказ, и он положил себе все разузнать, и разузнал, и Зоя стала легендой. Я только тогда как-то вдруг осознала, что Зоя и не знала ведь, что станет легендой, святой для миллионов, думала: убьют и всё, да так и могло случиться, мало ли безымянных героев, и это ничуть не поколебало ее решимости, и каждую минуту в плену вела себя так, как будто на нее уже смотрели миллионы, и в этом ее святость, а я дрянь – все последние годы думала, что время не то, время героев прошло, нужно думать, чего пожрать, и я молодец уже тем, что храню ее образ в сознании, а

положение у нее было не лучше, просто она была Зоей Космодемьянской, а мне нет никаких оправданий. И еще я впервые, на двадцать шестом году жизни, сообразила, что она ведь была человеком, сморкалась и чесалась, как я, и наверно хотела жить, а не быть посмертным героем, а я держала ее в богинях и даже не жалела, и впервые, на двадцать шестом году жизни, в конце передачи, я заплакала о Зое, потому что мне хотелось теперь, чтоб она не умирала. В ту же минуту я поняла, что она для меня теперь будет выше, чем в детстве, потому что она не родилась легендой, сморкалась и чесалась, а взяла да и стала легендой, сказкой, стала богиней моей. И еще я видела кадры, как учащиеся из ее школы бегут мимо ее бюста к шлюховатой модели, и до меня дошло по настоящему, что Зоя не для всех, хоть она думала, что для всех, она для немногих, и я могу не попасть в их число. Но все равно мне стало легче, как все это передумала. Потому что все сомнения последних лет истлели и рассыпались: достаточно одной только Зои, чтобы быть за Советский Союз. Достоевский писал где-то, что если бы Христос был на одной стороне, а правда – на другой, он пошел бы за Христом. Даже между правдой и Зоей я бы выбрала Зою. И насмотревшись, наслушавшись религиозных людей, я теперь знаю, что такое ад: это где нет дерьма, лжеправедников, принявших муки ради райских харчей; а встретят там меня одни лишь святые безбожники, ну да, встретят, меня ведь больше никуда не возьмут, и пройдя сквозь ряды с Зиной Портновой, Юрием Смирновым, Имантом Судмалисом и Татьяной Соломахой⁵, я предстану перед Зоей, повелительницей героев, она обдаст меня презрением, как худшую, и накажет встать где-нибудь на задах. Ничего, это не запахло. Главное, чтоб никакого дерьма.

1 – Имеется в виду ввод войсковых соединений в Баку по причине антисоветских выступлений в январе 1990 года (здесь и далее прим. автора).

2 – Здесь и далее приводятся отрывки из свидетельств очевидцев, опубликованных в книге «Москва прифронтовая. 1941–1942., Архивные док. и мат. М., 2001 г.».

3 – Смирнов Юрий Васильевич (1925–1944) – младший сержант Советской Армии. Попал в плен, не дал сведений под пытками и был распят на стене штабного блиндажа. Герой Советского Союза.

4 – Имеется в виду А. Жовтис.

5 — Зина Портнова (1926–1944), Имант Судмалис (1916–1944), Татьяна Соломаха (1893–1918) – советские мученики, не сломавшиеся под пытками в плену у белогвардейцев и фашистов.